

Научная статья

УДК 160.1

doi: 10.17223/1998863X/67/26

ИНДЕКСИКАЛЫ, СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА

Евгений Васильевич Борисов

Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия, borisov.evgeny@gmail.com

Аннотация. Представлен комментарий на три тезиса, сформулированных О.А. Козыревой: 1) семантика Каплана определяет коммуникативно релевантные (для различных коммуникативных ситуаций) контексты, 2) семантика Каплана требует модификации, потому что неверно определяет коммуникативно релевантные контексты, 3) употребление индексикалов в естественной речи показывает, что традиционное разграничение семантики и прагматики требует пересмотра. Приводятся доводы, что вопрос о коммуникативно релевантных контекстах выходит за рамки семантики Каплана, и это опровергает первый тезис Козыревой. Кроме того, основывается, что, хотя ее второй тезис верен, это обусловлено не теми причинами, на которые указывает Козырева. Наконец, утверждается, что третий тезис не получает в статье Козыревой достаточного основания.

Ключевые слова: индексикал, характер, контекст, референт, семантика, прагматика, Каплан

Для цитирования: Борисов Е.В. Индексикалы, семантика и прагматика // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 292–298. doi: 10.17223/1998863X/67/26

Original article

INDEXICALS, SEMANTICS, AND PRAGMATICS

Evgeny V. Borisov

Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, borisov.evgeny@gmail.com

Abstract. The paper presents commentaries on three claims put forward in Kozyreva's paper under discussion. (1) Kozyreva claims that Kaplan's semantics defines communicatively relevant contexts for situations. I challenge this claim by showing that concepts like *communicative situation* and *communicatively relevant context* are semantically irrelevant. Thus the question "What is the communicatively relevant context in a given situation?" lies beyond the scope of Kaplan's semantics. (2) According to Kozyreva, Kaplan's semantics should be modified because it provides an incorrect answer to the question above. I agree with her in that a modification of Kaplan's semantics is needed, but I suggest this need is caused by another reason, namely by the fact that Kaplan's concept of context is too narrow to reflect all contexts involved in everyday communication. In Kaplan, the set $\{a, t, l, w\}$ (a is an agent, t is a time, l is a location, and w is a possible world) is a context only if a is in l at t in w . Predelli suggests dropping this restriction so that any set containing an agent, a time, a location, and a possible world should be considered a context. In my view, this solution allows us to accommodate contexts involved in answering machine scenario and other situations examined by Kozyreva. (3) Finally, in the light of the received distinction between semantics and pragmatics, the concept of a communicatively relevant context belongs to pragmatics. Kozyreva disagrees: she claims that the received distinction should be revised. In my view, this claim (as well as Romdenh-Romluc's claim cited by Kozyreva) is erroneous

because it is based on a confusion of two questions: “How do we understand sentences?” and “How do we understand utterances of sentences?”.

Keywords: indexical, character, context, reference, semantics, pragmatics, Kaplan

For citation: Borisov, E.V. (2022) Indexicals, semantics, and pragmatics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filozofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 67. pp. 292–298. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/67/26

Обсуждаемая статья Ольги Козыревой [1] посвящена чрезвычайно интересной проблеме – проблеме референции индексикальных выражений в естественной речи. Как показывает Козырева и авторы, на которых она ссылается, многие случаи употребления индексикалов в коммуникации ставят под вопрос некоторые стереотипные представления относительно референции индексикалов, такие как представление, что слово «я» всегда указывает на того, кто его произносит/пишет. Статья Козыревой содержит систематический обзор существующих позиций по данной проблеме и ряд интересных идей, заслуживающих детального обсуждения. Некоторые из ее идей мне представляются спорными, и моя реплика имеет полемический характер. Я прокомментирую следующие три тезиса Козыревой:

(1) Семантика Каплана определяет коммуникативно релевантный контекст для любой коммуникативной ситуации.

(2) Семантика Каплана требует модификации, потому что определяет коммуникативно релевантные (для тех или иных ситуаций) контексты неверно.

(3) Необходимая модификация семантики Каплана приводит к пересмотру разграничения семантики и прагматики.

По моему мнению, тезис (1) неверен; тезис (2) верен, но не по тем причинам, которые приводит Козырева; тезис (3) не получил достаточного обоснования.

Предварительные замечания

Я буду использовать понятие *коммуникативно релевантного контекста*. Рассмотрим следующую ситуацию: мой собеседник, с которым я гуляю по городу, говорит: «Я бы выпил чашку кофе». Поскольку его реплика содержит индексикал «я», для ее интерпретации необходим контекст¹. Я могу выбрать любой контекст, но очевидно, что выбор одного определенного контекста приведет к успеху коммуникации в данной ситуации, тогда как выбор других приведет к ее неудаче². Чтобы коммуникация была успешной, я должен выбрать контекст {мой визави, время беседы, место, где мы находимся, действительный мир}. Назовем этот контекст коммуникативно релевантным в

¹ В данной дискуссии речь идет о контекстах в смысле Каплана. У Каплана [2. P. 88–89; 3. P. 543–544] контекст (в некоторой модельной структуре) – это множество $\{a, t, l, w\}$, где a – агент, t – время, l – место, w – возможный мир, причем a находится в l в t в w (в данной модельной структуре). Требование, что a находится в l в t в w является спорным; этот момент обсуждается ниже. Говоря о семантике Каплана, я буду опираться прежде всего на ее формальную версию, изложенную в статье «On the Logic of Demonstratives» [2. P. 88–97] и монографии «Demonstratives...» [3. P. 543–553]. Этот выбор мотивирован тем, что формальная версия семантики в краткой и систематичной форме резюмирует семантические исследования Каплана.

² Критерии успеха коммуникации – это отдельная тема. Здесь будет достаточно интуитивно очевидного тезиса, что в описанной ситуации для успеха коммуникации необходимо, чтобы я понял, что мой приятель хочет выпить чашку кофе.

данной ситуации. Если же я выберу, например, контекст {Пушкин, 1830 г., Санкт-Петербург, действительный мир}, я пойму реплику моего визави в том смысле, что Пушкин в 1830 г. хотел выпить кофе, т.е. я пойму реплику моего приятеля неверно, что сделает коммуникацию неудачной. Теперь мы можем определить понятие коммуникативно релевантного в той или иной ситуации контекста: это контекст для интерпретации реплики говорящего слушателем, обеспечивающий успех коммуникации в данной ситуации. Козырева называет коммуникативно релевантные контексты *семантически релевантными*. Ниже я покажу, что это наименование неудачно.

В рамках данной дискуссии можно использовать упрощенную версию каплановской семантики индексикалов. Представлю эту версию, отталкиваясь от следующего пассажа из статьи Козыревой: «Содержание... это функция, аргументом которой являются условия оценки, а значением – экстенционал. По сути, содержание – это объект...» [1. С. 269–281] Это неудачная формулировка: конечно, содержание – это функция, но функция не может быть объектом, даже «по сути». Предполагаю, что Козырева имела в виду следующее: по Каплану, содержание индексикала (в некотором контексте) – это *константная функция*, которая все условия оценки (т.е. все пары вида <время, возможный мир>) отображает на один и тот же объект [2. Р. 84]. Как замечает Пределли [5. С. 290], в рамках обсуждаемой темы можно упростить семантику Каплана применительно к индексикалам: мы можем определить характер индексикала как функцию от контекстов к референтам (а не к константным функциям). Например, пусть f – характер «я», c – контекст, c_A агент c . Тогда в семантике Каплана $f(c)$ – это константная функция, отображающая все условия оценки на c_A ; в ее упрощенной версии $f(c)$ – это c_A . Ниже я использую эту – упрощенную по Пределли – версию семантики Каплана (судя по приведенной цитате, ее использует и Козырева).

Комментарий к (1)

Козырева приписывает семантике Каплана «положение о тождестве между контекстом высказывания и семантически релевантным контекстом» [1. С. 269–281]. Здесь «высказывание» – это эквивалент английского «utterance¹», т.е. акт произнесения или написания некоторого предложения; контекст высказывания – это контекст, в котором производится высказывание; семантически релевантный контекст – это контекст, который я выше назвал коммуникативно релевантным. Итак, по мнению Козыревой:

(а) Семантическая теория Каплана дает ответ на вопрос «Какой контекст является коммуникативно релевантным в той или иной ситуации?».

(б) Этот ответ таков: коммуникативно релевантный в некоторой ситуации контекст – это контекст высказывания.

Оба эти положения неверны. Я покажу ошибочность (а); последняя влечет и ошибочность (б). Ошибочность (а) обусловлена тем, что вопрос о коммуникативно релевантном контексте в той или иной ситуации не является семантическим. Поэтому семантика Каплана не только не отвечает на этот вопрос, но и не должна на него отвечать. Это важный пункт, поэтому разверну его детально.

¹ Перевод «utterance» как «высказывание» не вполне точен, но точного эквивалента в русском языке не существует. Я буду, вслед за Козыревой, использовать этот перевод.

Вспомним пример из начала статьи. Мое понимание реплики «Я бы выпил чашку кофе» проходит два этапа: 1) я понимаю характер данного предложения; 2) я выбираю коммуникативно релевантный для данной ситуации контекст и применяю характер предложения к этому контексту (тем самым определяя референты индексикалов и сообщаемую моим собеседником пропозицию). На первом этапе мне достаточно моего знания русского языка. Как носитель русского языка, я знаю значения всех слов, которые произнес мой приятель, и знаю композиционные правила: благодаря этому я понимаю характер произнесенного им предложения. Характер – это функция от контекстов к содержаниям; понять характер – значит увидеть эту функцию. В данном примере мое понимание характера рассматриваемого предложения состоит в том, что я понимаю следующие вещи:

– в контексте {мой приятель, t , l , w } (t – время, l – место, w – возможный мир) данное предложение выражает пропозицию, что мой приятель в w хочет выпить чашку кофе в t ;

– в контексте {Пушкин, t' , p' , w' } данное предложение выражает пропозицию, что Пушкин в w' хочет выпить чашку кофе в t' , – и т.д.

Таким образом, поняв характер предложения, я увидел зависимость выражаемой пропозиции от контекста, и теперь я могу применить этот характер к *любому* контексту.

На втором этапе я задаюсь вопросом: к какому контексту мне следует применить характер данного предложения в данной ситуации, чтобы коммуникация была успешной? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо знание о ситуации, в которой осуществляется коммуникация, знание целей коммуникации и средств, которые ведут к достижению этих целей. Это значит, что на втором этапе нам необходимо знание о мире, выходящее за рамки знания языка. В таких случаях, как рассматриваемый пример, это знание самоочевидно, но в некоторых случаях для получения такого знания требуются специальные усилия: например, для установлении авторства письменного памятника могут потребоваться масштабные исторические исследования. Выбрав контекст, я применяю характеры слов к этому контексту и устанавливаю референты индексикалов *в данном контексте*. Здесь важно отметить, что характер индексикала не зависит от контекста, например, «я» имеет один и тот же характер во всех контекстах. Но референт индексикала, конечно, от контекста зависит: в разных контекстах «я» отсылает к разным индивидам.

Суммируем особенности двух этапов:

На первом этапе мы используем только наше знание языка; на втором этапе – также знание мира (выходящее за рамки знания языка).

На первом этапе мы понимаем предложение; на втором – высказывание, в котором это предложение произнесено.

На первом этапе мы не принимаем в расчет контексты, поскольку имеем дело с характерами, которые от контекста не зависят; на втором этапе мы выбираем контекст, потому что имеем дело с (чувствительными к контекстам) пропозициями и референтами.

Эти различия отражают традиционное разграничение семантики и прагматики: семантика имеет дело с предложениями, прагматика – с высказываниями; семантика имеет дело с контекстуально независимыми значениями; прагматика – с контекстуально зависимыми пропозициями и референтами.

ми [4. Р. 6–7]. Словом, семантика имеет дело *только* с языком; прагматика – с взаимодействием языка и мира.

Семантика Каплана вполне укладывается в традиционные границы семантики. В упомянутых выше источниках [2. Р. 88–97; 3. Р. 543–553] определяются *характеры* для всех релевантных видов выражений, т.е. *функции* от контекстов к содержаниям. Определяя характеры, Каплан тем самым определяет, в частности, референт «я» для *любого* контекста. Но в этих фрагментах ничего не говорится об условиях успеха коммуникации в той или иной ситуации, а значит, и о том, какой контекст релевантен в той или иной коммуникативной ситуации. Поэтому для *семантики* Каплана этого вопроса не существует, как не существует и самого понятия коммуникативно-релевантного контекста¹, поэтому тезис (1) – результат недоразумения.

Я детально разобрал главный для этой статьи пункт; следующие комментарии будут короче.

Комментарий к (2)

Я согласен с тем, что семантика Каплана требует модификации, но причина этого состоит не в том, что она якобы неверно трактует коммуникативно релевантный (в той или иной ситуации) контекст, а в том, что в ней используется слишком узкое понятие контекста. Как было сказано выше, контекст (для некоторой модели) у Каплана – это не любое множество вида $\{a, t, l, w\}$, а только множество, выполняющее условие, что (в этой модели) a расположен в l в t в w [2. Р. 89; 3. Р. 544]². Каплан ввел это ограничение для того, чтобы сделать предложение «Я сейчас здесь» логически истинным и, соответственно, сделать логически ложным предложение «Я сейчас не здесь». Однако ситуация с автоответчиком (на нее впервые обратил внимание сам Каплан [3. Р. 491]) и ряд подобных ситуаций показывают, что в некоторых случаях мы в качестве коммуникативно релевантных используем контексты, не выполняющие указанное условие: в некоторых таких контекстах предложение «Я сейчас не здесь» выражает, вопреки Каплану, истинную пропозицию. Таким образом, существуют контексты, которые мы используем, но которые не учитывает семантика Каплана: в этом смысле последняя расходится с эмпирическими данными. Поэтому Пределли предложил отказаться от указанного ограничения на построение контекстов, т.е. включить в множество контекстов *все* множества вида {агент, время, место, возможный мир} [5. Р. 291]. Такое расширение понятия контекста лишает предложение «Я сейчас здесь» логической истинности, но, как показывает, опять же, случай с автоответчиком, это идет семантике Каплана только на пользу. Я нахожу предложение Пределли убедительным; этим обусловлено мое частичное согласие с (2).

Комментарий к (3)

Предложение Козыревой о пересмотре границ между семантикой и прагматикой основано на тезисе Ромден-Ромлук [6. Р. 279–280], согласно которому вопрос о коммуникативно релевантном (в той или иной ситуации)

¹ Теперь понятно, что термин «семантически релевантный контекст» является неудачным наименованием коммуникативно релевантного контекста: дело в том, что это прагматическое понятие.

² В [2] это раздел «Semantics for LD», пункт 10; [3] – раздел «LD Structures», пункт 10.

контексте относится к сфере семантики. Обоснование этого тезиса у Ромден-Ромлук я считаю неубедительным. Вот ее главный аргумент: «если высказывание (utterance) является высказанным (uttered) предложением публичного языка, оно должно иметь значение, которое может быть понято не только говорящим (utterer). Поэтому то, как индексикальное высказывание понимается, существенно при определении его значения» [6. Р. 280]. В этом пассаже содержится три ошибки:

1. Здесь высказывание отождествляется с высказанным предложением. Но высказывание – это акт произнесения (написания и т.д.) предложения, поэтому высказывание не может быть предложением.

2. У высказывания не может быть значения: значение может быть только у выражений. Например, если я произношу предложение «снег бел», это предложение, конечно, имеет значение, но высказывание (мой акт произнесения этого предложения) значения не имеет¹.

3. Бесспорно, в коммуникации мы понимаем не только предложения, но и высказывания. В семантике Каплана, которую Ромден-Ромлук принимает [6. Р. 257], понять высказывание – значит а) выбрать контекст; б) применить значение (характер) высказанного предложения к выбранному контексту. Но чтобы применить значение предложения к контексту, его (значение предложения) надо уже понимать: мы *сначала* понимаем значение предложения, и только *потом* – высказывание. Например, я вижу записку «Я приду позже», но не знаю, кто ее написал. Это значит, что я еще не понял *высказывание*, но (будучи носителем русского языка) уже вполне понял высказанное *предложение*. Таким образом, понимание *значений* предшествует выбору *контекстов* и не зависит от последнего. Поэтому то, как мы понимаем высказывания, т.е. то, какие контексты мы выбираем в той или иной ситуации, не влияет на определение значений.

Поскольку семантика – это наука о значениях, и поскольку значения не зависят от контекста, вопрос «Какой контекст является коммуникативно релевантным в данной ситуации?» не является семантическим. Есть ли другие основания для отнесения этого вопроса к семантике? Ни Ромден-Ромлук, ни Козырева таких оснований не приводят, поэтому тезис (3) остается, во всяком случае в обсуждаемой статье Козыревой, необоснованным.

Список литературы

1. Козырева О.А. Проблема референции индексикалов: возможные подходы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 269–281. doi: 10.17223/1998863X/67/23
2. Kaplan D. On the Logic of Demonstratives // Journal of Philosophical Logic. 1979. Vol. 8, № 1. P. 81–98.
3. Kaplan D. Demonstratives: An Essay on the Semantics, Logic, Metaphysics, and Epistemology of Demonstratives and Other Indexicals // Themes from Kaplan / eds. J. Almog, J. Perry, H. Wettstein. Oxford ; New York : Oxford University Press, 1989. P. 481–563.
4. Griffiths P. An Introduction to English Semantics and Pragmatics. Edinburg : Edinburg University Press, 2006.
5. Predelli S. I Am Still Not Here Now // Erkenntnis. 2010. Vol. 74. P. 289–303.
6. Romdenh-Romluc K. «I» // Philosophical Studies. 2006. Vol. 128. P. 257–283.

¹ Конечно, я, как и Ромден-Ромлук, говорю о лингвистическом значении. Акт произнесения предложения может иметь значение в других смыслах (например, он может иметь всемирно-историческое значение), но это не имеет отношения к теме дискуссии.

References

1. Kozyreva, O.A. (2022) Some possible approaches to the problem of indexical reference. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 67. pp. 269–281. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/67/23
2. Kaplan, D. (1979) On the Logic of Demonstratives. *Journal of Philosophical Logic*. 8(1). pp. 81–98.
3. Kaplan, D. (1989) Demonstratives: An Essay on the Semantics, Logic, Metaphysics, and Epistemology of Demonstratives and Other Indexicals. In: Almog, J., Perry, J. & Wettstein, H. (eds) *Themes from Kaplan*. Oxford: Oxford University Press.
4. Griffiths, P. (2006) *An Introduction to English Semantics and Pragmatics*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
5. Predelli, S. (2010) I Am Still Not Here Now. *Erkenntnis*. 74. pp. 289–303.
6. Romdenh-Romluc, K. (2006) “I”. *Philosophical Studies*. 128. pp. 257–283.

Сведения об авторе:

Борисов Е.В. – доктор философских наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия). Email: borisov.evgeny@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Borisov E.V. – Dr. Sci. (Philosophy), associate professor, chief researcher, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: borisov.evgeny@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 04.04.2022;
одобрена после рецензирования 07.06.2022; принята к публикации 11.07.2022
The article was submitted 04.04.2022;
approved after reviewing 07.06.2022; accepted for publication 11.07.2022*